

Идея несамостоятельной субъективности в контексте критики метафизики Ж.-Л. Мариона

По справедливому замечанию А. В. Ямпольской, философия Жана-Люка Мариона разворачивается в следе хайдеггеровской мысли¹: Марион опирается на концепцию метафизики как онто-теологии, но с той значительной оговоркой, что христианская теология – по крайней мере, теология восточных Отцов Церкви – не наследует метафизике, а напротив очищает теологические понятия от горизонта греческой философии² (Хайдеггер, как известно, заявлял об обратном); Марион подхватывает хайдеггеровскую критику автономной субъективности, но его собственный вариант «заброшенности» в предшествующую структуру не имеет ничего общего с аналитикой Dasein. В настоящем докладе предпринимается попытка обрисовать идею несамостоятельной субъективности³, предлагаемую Ж.-Л. Марионом (II) в контексте критики метафизики как онто-теологии (I).

(I) 1. Марион со всей серьёзностью воспринимает концепцию онто-теологии, разработанную Хайдеггером в эссе «Онто-тео-логическое строение метафизики»; Марион утверждает, что кроме данного определения «мы не располагаем никаким другим строгим, то есть исторически признанным и понятийно действенным, определением метафизики»⁴, на основании которого только и возможна критика метафизики. При этом очевидно, что проблема забвения бытия, имевшая для Хайдеггера первостепенное значение, сама по себе мало интересует Мариона. Важно лишь то, бытие сказывается о Боге и о творении унивокально: различие выражается *лишь в степенях*, и поэтому метафизика не может мыслить Бога иначе как наиболее совершенное бытие – присутствие в модусе вечности, являющееся причиной бытия-присутствия конечных сущих.

2. Выражаясь языком Мариона, трансцендентность Бога, которую способна помыслить «метафизика присутствия», не является *радикальной* инаковостью. Какова мера этой радикальности, согласно Мариону? Непостижимость и анонимность (в смысле отсутствия адекватного имени) – знаки божественного, удостоверяющие наше знание о нём. В дискурсе о Боге зазор (дистанция) между именем и референтом не может быть преодолен – более того, он *должен быть удержан*, чтобы речь не стала идолатрической: чем в меньшей степени

¹ Ямпольская А.В. Неохайдеггерианский синтез? Размышления над книгой Ж.-Л. Мариона «Идол и дистанция» // Вопросы философии 2011, № 1. С.173-180;

² J.-L. Marion. De surcroît. Essai sur les phénomènes saturés, PUF, coll. Quadrige, 2010, особенно Chapitre IV, Au nom ou comment le taire.

³ В употреблении данного понятия следуем А.В. Ямпольской (Там же);

⁴ Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии / Пер. с франц. С. Шолоховой // Логос № 3 (82), 2011, с. 127.

имя претендует на схватывание референта, тем более оно – «парадоксальным образом» – адекватно референту.

3. Напротив, предикативный (метафизический) дискурс претендует на полное исчерпание сущности объекта в имени, и зияние дистанции понимает как то, что *необходимо устранить*, чтобы достигнуть строгости концептуального выражения адекватного знания об объекте. Тем самым, размышляя и говоря о Боге, метафизика всегда промахивается мимо цели.

4. Какое употребление языка хранит дистанцию? Марион называет такое употребление языка прагматическим – характерное для молитвы, хвалы и литургии употребление имени не ради трансляции некоторого смысла, знания о Боге, а ради обращения к Взыскуемому, к Богу, общения с Ним.

(II) 1. Марион справедливо заключает, что хвалебный дискурс не отягощён субъективностью. Это вовсе не означает, что он сводит счёты с идеей субъективности как таковой – как было отмечено в начале, Марион наследует хайдеггеровской критике декартовско-гуссерлианской автономной субъективности, укореня субъективность, а именно коммуникативную способность субъекта, в «предшествующей» дистанции, в извечно высказанном Слове, имеющем иллокутивную силу.

2. Таким образом, в докладе будет показано, что марионовская критика метафизики предполагает концепцию субъективности, вполне вписывающуюся в контекст франкоязычных вариаций на тему несамостоятельной субъективности. Последние представлены идеями таких философов как, например, Мишель Фуко и Жак Деррида, по-разному обыгрывающих данную тему, но для которых общим местом является, пожалуй, реальность дискурса и коммуникации, не подчиняющаяся власти автора как единственной инстанции смысла (нельзя не отметить ангажированность марионовской критики метафизики темами «метафизики присутствия», для деконструкции которой оказывается достаточным тематизировать отсутствие). Взгляды Мариона, однако, ближе к идеям Левинаса: в обоих случаях имеет место представление о субъективности, всегда уже аффицированной (травмированной) Другим или Богом.

Список литературы:

1. Derrida J. Signature Événement Contexte // Marges de la philosophie, Paris: Galilée, 1972 ;
2. Foucault M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France, prononcée le 2 décembre de 1970, Paris, Gallimard, 1981 ;
3. Marion J.-L. De surcroît. Essai sur les phénomènes saturés, PUF, coll. Quadrige, 2010, 228 p. ;
4. Marion J.-L. L'idole et la distance, Paris, Grasset, 1977, 333 p. ;
5. Marion J.-L. Le visible et le révélé, Paris, CERF, 2010, 194 p. ;
6. Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии / Пер. с франц. С. Шолоховой // Логос № 3 (82), 2011, с. 127;

7. Ямпольская А.В. Неохайдеггеррианский синтез? Размышления над книгой Ж.-Л. Мариона «Идол и дистанция» // Вопросы философии 2011, № 1. С.173-180.